

Так же как и другие авторы мемуаров XVII в., Таллеман де Рео знакомит читателей с современной ему эпохой в различных ее аспектах, однако главное внимание он уделяет не описанию исторических событий, а характеристике своих современников. Что же касается исторических событий и тех изменений, которые происходят в это время в жизни государства и общества, то они, так сказать, лишь просматриваются через судьбы и характеристики изображаемых им людей.

Примечательно, что Таллеман назвал свои воспоминания не мемуарами, а *historiettes* (буквально: рассказы, короткие истории). Подлинный смысл слова *historiette* в данном случае ближе всего можно передать как «занимательная история». Широко используя исторические анекдоты, отбирая и перерабатывая их в явном соответствии со своим собственным отношением к тому или иному лицу, Таллеман воссоздает длинный ряд исторических фигур своего времени, главных и второстепенных — монархов, министров, полководцев, придворных, священнослужителей, поэтов, литераторов, фаворитов и куртизанок. Общая картина нравов французского общества XVII в., таким образом, оказывается как бы размещенной в своеобразных «медальонах». В этом отношении «Занимательные истории» в какой-то мере смыкаются с так называемой «промежуточной прозой» XVII в. — здесь использованы письма, портрет, здесь нащупывается жанр *характера*, получивший свое дальнейшее развитие у Лабрюйера. С другой стороны, «Истории» Таллемана с их грубыми выражениями, соленой галльской шуткой и натуралистическими описаниями несомненно перекликаются с французским бытовым романом XVII в. и опираются на традиции, выработанные в эпоху Возрождения в комических жанрах.

«Занимательные истории» Таллемана де Рео, рисуящие жизнь французского общества, так сказать, «с заднего крыльца», явились своеобразным и существенным дополнением к другим мемуарам XVII в. Они приоткрывали такие стороны жизни французского двора и высшего общества эпохи Генриха IV и Людовика XIII, которые заставили взглянуть в несколько ином свете на эту блестящую эпоху с ее бурной политической жизнью, напряженными драматическими коллизиями, свальными страстями и характерами. За парадным фасадом обнаруживалась грубость нравов, сквозь изысканные манеры и придворный этикет проступало самодурство, жестокость, грубое распутство. «Без Таллемана и его пескромной болтливости многие работы о XVII веке были бы в наше время в сущности невозможными»,² — писал Сент-Бёв в 60-х годах XIX в.

Работа по изучению этого своеобразного памятника французской литературы продолжалась в течение всего XIX столетия, но подлинно на-

² Sainte-Beuve. *Tallemant et Bussy ou Le médisant bourgeois et le médisant de qualité.* — In: *Sainte-Beuve. Causeries du lundi*, t. 13, Paris, 1858, p. 185—186.